

О лете, дружбе и маленьком секрете

1

Прошло пять месяцев после травмы. Вчера к нам заходил врач на ежемесячный осмотр. По его словам, я уже достаточно восстановилась, чтобы пересесть на коляску. Наконец-то, а то уже надоело лежать. Это было сложно, мышцы совсем ослабли за то время, что провела в кровати. А ведь ещё полгода назад я была самой быстрой в команде. Похоже, меня всё-таки забыли. Первое время ребята часто навевались ко мне в палату, чуть позже у каждого появились какие-то неотложные дела. Гостей становилось всё меньше и меньше. И вот я одна. Ладно, я не совсем одна. Со мной осталась мама. Отец не смог пережить мою травму. Смешно! Травма моя, а пережить её не смог он. Некоторые мужчины действительно слабы в этом плане. Его уход произошёл так банально: сначала пропал на работе, потом перестал ночевать дома, а потом... Не важно. Главное, что регулярно присылает деньги.

– Ну, как тебе? – ласково спросила мамочка, добрая и сильная женщина. Поражаюсь тому, как она старается для меня, человека, который до конца жизни вынужден быть инвалидом. Хоть врачи и говорят, что ещё не всё потеряно, и может случиться чудо – я не верю. Глупо во что-то верить, ведь чем больше ты на что-то надеешься, тем больше принимать правду. Я смирилась почти сразу.

– Отлично! Спасибо, мам. По размерам прекрасно подходит. Осталось только вернуться в форму и тогда я смогу передвигаться на ней самостоятельно. Руки-то у меня никогда сильными не были, – ответила я с улыбкой, поднимая согнутые локти и демонстрируя слабенькие бицепсы в попытке утолить её сомнения.

Коляска довольно большая, «на вырост», да к тому же дорогая. Нельзя, чтобы мама подумала, что я ей недовольна. Хотя, какой подросток будет рад инвалидной коляске в подарок?

Мама всё ещё тешит себя мыслями о том, что всё хорошо, но я знаю, что ей сложно. Прозвучит эгоистично, но я впервые за всю жизнь так близка с ней. Она очень много работала, из-за чего мне приходилось больше времени проводить с папой. В какой-то момент я думала, что она совсем меня не любит, раз появляется только вечером, угрюмая и молчаливая, но трагедия показала обратное. Тот, кто был мне ближе всех, отвернулся, а та, что казалась чужой, стала самой родной. Мне жаль, что она столкнулась с такими трудностями.

– И всё-таки это моя вина... – тихий шёпот пробирал до дрожи, но я уже привыкла к этой фразе. Сейчас она шмыгнёт носом, встанет, выпрямит спину, скажет что-то похожее на: «Мне надо отойти», после чего начнёт курить на балконе и прятать слёзы. – Я скоро вернусь.

Шаг, шаг, шаг, всхлип, хлопок двери. Как обычно. Спустя несколько секунд с улицы донёсся знакомый мужской голос. Стены у нас тонкие, так ещё и квартира на первом этаже, где окна с одной стороны выходят на школу, а с другой – на детскую площадку. Никакой тишины. Мама вечно ругается с местными обитателями скамеек, которые не стесняются мусорить у подъездов. И это самое мирное и законное, что они там делают.

– Наташка, бросай ты это дело! Только здоровье губишь! А тебе ещё надо дочке помогать! Кстати, хлама у вас на балконе, как я вижу, много... – это мамин приятель. На пару лет младше неё, живёт на тремя этажами выше. Отец, живя с нами, всегда отгораживал свою жену от всех мужчин, проявлявших к ней интерес. Наш сосед – единственный, от кого папа не смог избавиться. А что касается балкона, то он прав. Кучи коробок занимают всё пространство и перекрывают почти весь свет, который мог попадать к нам в квартиру.

– Мить, а, Мить. Ну сколько уже можно? – мама любит его, но сама не может это признать. Об этом знают все, кроме неё. Дмитрий, кстати, тоже. Он хороший парень, поэтому я была бы рада, если бы они наконец-то сошлись.

– Что «сколько можно»? Сколько можно предлагать помощь в уборке на балконе? Наташ, одна ты с этим точно не справишься, да и как ты это всё до гаража дотащишь? Я понимаю, что он близко, но столько ты не унесёшь. Да к тому же Аське наверняка захочется проводить время на балконе, дышать свежим воздухом. Девочка устала томиться дома, пусть

хоть так воздухом подышит! – «молодец, Димка! Знает, на что давить!», подумала я, услышав его маленький монолог. Грустно признавать, но он прав. И мама это знает, поэтому ни за что не откажется.

– Ладно, я согласна. Сможешь подойти сегодня вечером? – её предсказуемый ответ заставил усмехнуться. Слушая их разговор, я даже немного развеселилась, хохотнув над наивностью своей мамы. Если она не сделает ошибку, сможет жить долго и счастливо. С любящим человеком. Ну, а если всё же ошибётся – я помогу ей исправиться.

Ночью мама уложила меня спать, а сама ушла на кухню, пить чай с Димой. Вечер прошёл весело. Они допоздна наводили порядок, шутя и беседуя. И я проводила время с ними. Обычно меня бы отправили в комнату со словами «не дыши пылью», более того, даже в этот раз мама хотела увезти меня, но сосед встал на мою сторону. За два с половиной часа я узнала, что он пожарный, что любит чёрных кошек и не любит оранжевый цвет, что у него есть коллекция игрушечных солдатиков, а в свободное время он с удовольствием смотрит мелодрамы. Слушать его интересно, он любил рассказывать не только о себе, но и истории с работы, много спрашивал о маме и даже интересовался моей жизнью и моими интересами. Это был первый раз, когда я забыла о своём дефекте и чувствовала себя нормальным человеком, как раньше.

...Я опять проснулась в холодном поту. На глазах слёзы, сердце стучит так, что почти не слышу своего дыхания, но почему-то мне кажется, что оно достаточно громкое. Перекатившись на бок, я приподнялась на локте за стаканом воды, но вовремя одёрнула себя. Если я сейчас попью, надо будет идти в туалет, а сил на это у меня нет. Упала на спину и уставилась в потолок, обклеенный светящимися звёздочками. Меня пугает темнота. В ней виднеются мерзкие призраки прошлого. Они уносят меня в тот день, когда я поздно вечером возвращалась с тренировки. Вокруг непроглядная тьма, разбавленная лишь светом окон. Пешеходного перехода не было, не посчитали нужным ставить, ведь «кому захочется рассекать по такой дороге на высокой скорости?». Но желающие были. Так я и оказалась в кресле: меня сбил какой-то парень, летевший по дороге между дворов и не посчитавший нужным включить фары. Но страшнее не это, а то, что было потом. Он скрылся с места, оставив меня лежать где-то у обочины, в полуживом состоянии, стонущую от боли.

Повезло, что мимо проходила девушка, выгуливающая пса. Благодаря ей меня доставили в больницу вовремя, и я осталась жива.

2

Начало лета, июнь. Дети гуляли на улицах, а я тоскливо сидела на балконе. Дима повёз маму в магазин за покупками. К слову, ему опять пришлось её заманивать туда окольными путями. Но он смог, и я рада. Он хотел взять меня с собой, но по словам врача ещё рано выходить из дома. Глупость какая-то. Почему мне можно сидеть на балконе, но нельзя на улице? Как только я об этом подумала, мои ноги начали ныть.

– Время пить лекарства, – сказала я себе. Такое происходит часто и внезапно, наверное, поэтому меня и держат дома. Я поехала на кухню, попутно запнувшись о пару тапочек, случайно оставленных мамой посреди «проезда».

Передвигаться по дому сложно, ноги абсолютно не двигаются. Если бы я могла на них хотя бы стоять, хотя бы на одной ножке, я могла бы опираться на костыли. Но я не могу. Мама с Димой расчистили мне «проезжую часть», кое-где убрали пороги под дверьми, обрезали ковры... Им хотелось, чтобы я как можно быстрее научилась управляться с коляской, поэтому они делали всё, что в их силах, чтобы облегчить мой быт. Так и живём – я, мама, и сосед, который подозрительно часто ходит к нам в гости. Хотя я и была рада тому, что мамина жизнь налаживается, но в душе продолжало нарастало чувство брошенности, забытости... Было одиноко. Очень одиноко. От этого не спасут никакие таблетки.

Закинув в рот горсть пилюль и запив их водой, я вернулась на балкон и стала пялиться в окно, думая, что же будет дальше. Домашнее обучение? Интернат? А если меня отправят в интернат, чтобы я не приносила проблем? Нет, этого не произойдёт. Мама любит меня, Дима тоже принял. Значит, домашнее обучение. Нет. Я же тогда так и буду одна, без друзей, подруг, отношений... Ну а что? Мне пятнадцать, почти шестнадцать, все девочки в моём возрасте задумываются об этом, так чем я хуже? А, точно...

– Эй! Ты! – с улицы раздался свист какого-то паренька. Он стоял одной ногой на футбольном мече. Рядом с ним были двое: Рыжий и Колобок. Сам парень был длинный и дрищавый, как спица, непонятного возраста, с какой-то палочкой в зубах и коротким хвостиком на голове.

Глаза крикнувшего вперились в меня, а нога сильнее надавила на мячик, который тут же сплюснулся под давлением.

С Рыжим мы были знакомы давно, класса до четвёртого тренировались вместе в школьной футбольной команде. Потом я ушла и пару лет ничем не занималась. А потом увлеклась бегом и понеслась... Это каламбур, если что. За пару дней до несчастного случая, Рыжий со своими прихвостнями докопались до моих экс-товарищей по лёгкой атлетике, произошла драка, в которой я неплохо так заехала этому негодяю в глаз. Он, наверное, ещё долго ходил с ярким фонарём, освещавшим ему путь праведный.

– Это ты Рыжего избил? Несколько месяцев назад...

– Ну да. А что? Мстить пришли? – в этот момент мне хотелось хохотнуть и выехать из подъезда на коляске. Интересно, какие лица у них были бы? Жаль из дома выходить нельзя. Ой, выезжать.

– Я извиниться пришёл. Ась, прости. Виноват. Я ещё давно хотел, несколько месяцев после случившегося у тебя под окнами ошивался. Учитель сказал, что тебя на домашнее обучение перевели, а других контактов с тобой у меня не было... Моя вина. Ту компанию я бросил через пару дней после драки. А перед товарищами твоими...

– Бывшими, – моя поправка прервала его монолог.

– Что? – опешил Рыжий.

– Бывшими товарищами, – вкрадчиво повторил Спица, всё также внимательно рассматривая меня.

– А, ты бросила... В общем, не смог я перед ними покаяться. Они меня избегают. А с тобой что? Почему не выходишь?

– Я наказана, – пришлось врать. Я так давно ни с кем не общалась... А если скажу правду, они смутятся и уйдут. Поиграю немного в «нормальность», – В наказание за драку меня перевели на домашнее обучение, а недавно я сильно накосячила, поэтому меня заперли дома. Может, месяц так проведу. Может больше, – а это уже правда, врач установил такие сроки.

– Блин, жаль, а мы тебя погулять хотели позвать, – произнёс Колобок, потирая бритую наголо голову. С этим объектом я тоже знакома с

начальной школы, он булки в столовке воровал, а потом в другую школу перевёлся. Хоть он и вырос с тех пор, но по сравнению с друзьями так и остался довольно низким. И таким же круглым, как в детстве.

– Эй, бандитка, дай свой номер телефона. Может, хоть так общаться будем, а то ты совсем стухнешь, – произнес Спица, неестественно выгибая свои длиннющие пальцы. Станный он какой-то.

– Я не «бандитка», Спица. Меня Асей зовут.

– Так ты меня «Спицей» обозвала? А что, мне нравится. Спица так Спица. Можешь так и называть. Так что с номером?

– Телефон разбила, на новый денег нет, – и это тоже правда. В той аварии телефон разлетелся в дребезги. Симку домяла машина. А денег нет из-за коляски, да и я маме сказала, что это не столь важно, внимание стоит уделить другим вещам. Н-да, странный я подросток... Но в своё оправдание могу сказать, что у меня есть компьютер – достойная замена компактному гаджету, если тебе эта компактность ни к чему.

– Сложно же с тобой выходит. Ладно, мы к тебе приходим тогда будем, через окно болтать. Пойдёт? – Спица переметнулся через клумбу и протянул мне руку. Приложив немало усилий, я всё же смогла приподняться на руках и пожать его руку в ответ.

– Пойдёт.

Они приходили в четыре часа вечера, каждый раз в разном составе, но стабильно, ежедневно. И всегда среди них был Спица. Все трое, или с Рыжим, или с Колобком, или даже просто один. Всегда.

– Эй, драчуня! – послышался стук в окно. Рост Спицы позволял это делать без особых усилий, однако обычно меня звали по-другому. Приподниматься становилось легче, я научилась переваливать вес на одну из ног, благодаря чему могла некоторое время вполне естественно стоять. Тренировалась этому, когда дома никого не было, перед зеркалом. Видела все свои потуги и пот на лбу, видела, как глупо и жалко выглядела. Однако, сейчас июль, и я могу вставать почти без труда – главное, чтобы было за что подтянуться. Ни маме, ни Диме, ни врачу ещё не говорила о своём навыке. Ноги всё также не двигаются. Резким движением я высунулась в окно, оказавшись в сантиметрах тридцати от лица Спицы, – Ты чего так пугаешь? – ошарашено произнёс тот, отшатнувшись назад, попутно

наступив на край какой-то грядки, выкопанной соседкой Зинаидой для собственного пользования.

– Извини, случайно. Можно мне так повисеть? – делая эти движения я переборщила и потратила слишком много сил. Сейчас обратно точно не залезу, – Так что? Вы обычно не стучите, – сегодня он был с Рыжим, который ползал по старой, заросшей клумбе. Собирал что-то.

– На, – в руках парня болтался маленький черно-рыжий котёнок, которого бережно передали мне в руки. Создание громко мяукало, тыкаясь носом в моё бледное лицо в поисках тепла и ласки.

– Где вы его достали?! Какой лапочка! – я чуть не завизжала, увидев эту кроху, – Мальчик? Нет, девочка!

– У Колобка кошка окотилась, раздавать идём. Пойдёшь с нами? – Спица нежно улыбался, глядя на моё счастливое лицо.

– Ребят, извините. Не получится. Мама нехорошо себя чувствует, буду ухаживать за ней, – мама чувствует себя прекрасно и ждёт Дмитрия, который явится с минуты на минуту, – Ой, скоро Дима придёт! Он как раз любит чёрных кошек, спрошу, нужна ли ему одна.

– А, сосед ваш. Что-то он подозрительно часто у вас бывает...

– Ему моя мама нравится. И он ей тоже. Только тс-с, – я приложила палец к губам, прижав другой рукой малыша к себе.

– О, готово! – откуда-то снизу выпрыгнул Рыжий и лёгким движением руки накинул мне на голову веночек из одуванчиков. Я вопросительно уставилась на него, ожидая пояснение, – У меня две младших сестры. Я как никто другой знаю, что нравится девочкам, – после этих слов он с хитрой улыбкой покосился на Спицу и подмигнул.

Итоги дня: котёнок вымыт, накормлен, напоен, спит на моей кровати. Мама ворчит, а дядя Дима хитро улыбается.

Наши «встречи» продолжались уже два с половиной месяца. Каждый раз я пыталась придумать новые отговорки на вопрос: «Когда ты уже выйдешь?». Врач давно разрешил мне выезжать на улицу, что я и делала каждый раз, когда смеркалось. Я боялась, что они увидят меня, жалкого колясочника, который каждый божий день бойко подшучивает над ними. Вдруг они не примут меня? А если разозлятся? А на что им злиться? Я же

не виновата в том, что случилось. В один из таких дней случилось то, что оттягивать было нельзя.

– Сколько можно? В начале ты говорила месяц, но уже середина августа! Почему ты всегда дома? – раздражённо произнёс Спица. Он, среди мальчишек, был самым нетерпеливым и нервным.

– Я же говорю, с мамой поссорилась.

– Это не правда, недавно мы видели твою маму и спрашивали о тебе, – кровь в жилах похолодела. Неужели они знают? Мама сказала им? – Никакой ссоры не было, – Колобок смотрел на меня поджав губы.

За эти несколько месяцев я успела с ними сдружиться. Эти сорванцы приносили мне конфеты, цветы, иногда подтаскивали каких-то жучков и рассказывали последние новости. Мне не хотелось им врать, но и говорить правду страшно – вдруг отвергнут.

– Ась, что случилось? Чем мы можем тебе помочь? – Рыжий сильно беспокоился, на его лбу появлялись две еле заметные складки.

– Ребят, правда я...

– Да сколько ещё можно! Если мы не нужны тебе, так и скажи! – Спица срывался на крик. На моих глазах выступили слёзы. Его голос раздавался эхом в полупустом дворе. Погода словно подгадала нужный момент и стала противной, пасмурной. И тем не менее они пришли.

– Не кричи на меня! Я изначально не просила вас приходить! – «дура! Дура! Дура-дура-дура-дура! Зачем я это сказала? Я не этого хотела! Почему они замолчали? Только не молчите, прошу!» – думала я, пока в ушах звенело. Лица мальчишек побледнели и застыли в нечитаемом выражении, в котором смешивались боли, обида и что-то ещё, что-то, что я не могла понять, – Стойте, я не...

– Ясно. Хорошо. Не будем мешать тебе и твоему одиночеству. Идём, – Спица произнёс это вместо прощания, а его слова подхватил ветер, уносящий всё куда-то в даль.

Первое, что я сделала, вернувшись в комнату, – кинула в стену стеклянный стакан с какой-то жижей для разгона крови. Осколки разлетелись в разные стороны. От осознания своего бессилия я взревела, кричала и рыдала. Всё внутри кипело и бурлило, создавая раздражающий

писк в ушах. Следом на пол полетела мамина пепельница, стоявшая на подоконнике. Горечь. Во рту безумно горько. В последний раз было так горько, когда я поняла, что я «без ног». Хотелось, кричать ещё громче, прыгать и срывать голос, но всё тщетно. Согнувшись пополам и захлёбываясь слезами, я радовалась, что мама не видит моего отчаяния и того, как я...

...упала. Время словно остановилось. Всё затихло. Ещё сидя на коляске, я попыталась топнуть ногой, той самой, на которую до этого опиралась, высываясь каждый день из окна. Получилось. Коряво, неуклюже, но получилось, после чего и последовало падение.

– Не может быть...

3

Мысли в голове до сих пор мешались, плавали и кувыркалились, но только не ходили строем. Сегодня первое сентября, врач сказал, что передвигаться как раньше я точно не смогу – максимум перейду на костыли, но даже такая перспектива не могла не радовать. Печалило лишь то, что это не произошло раньше, тогда я бы не боялась рассказать мальчикам и, возможно, было бы по-другому... А может и нет. Бессмысленно заниматься самобичеванием, что произошло – то произошло, этого не изменить. И я знаю об этом как никто другой.

– Ась, ну, я пошла. Марина Валентиновна не сможет сегодня прийти, поэтому план занятий, записи и прочее принесут её ученики. Два паренька, говорит – хорошие ребята, вы подружитесь. Они примерно твоего возраста, с одним из них вы должны были учиться в одном классе, но... Ладно, я побежала! – мама торопилась на работу, так как это были последние дни на её старой должности. Из-за моей травмы и реабилитации ей пришлось первое время не работать, а потом перейти на полставки. Сейчас она нашла вакансию, которая полностью подходит под её требования и хорошо оплачивается. Сегодня она до ужаса весёлая, а всё потому, что Дима наконец-то собрался и сделал ей предложение. В последний день лета, чтобы точно запомнить дату.

Мама не сразу дала ответ. Вчера вечером она вернулась домой, уткнулась носом в подушку и завизжала как девочка-подросток. Мы проговорили с ней до поздней ночи, я убедила её в том, что абсолютно не против их брака. Да и к тому же, она красивая и всё ещё молодая женщина,

которая не должна нести своё бремя в одиночку. Сегодня утром она позвонила Диме и попросила его зайти перед тем, как он пойдёт на работу. Тогда-то она и сказала заветное: «Я согласна». Ну а дальше всё как положено – сопли слюнявые. Столько лет, а всё как дети...

Ближе к обеду раздался звонок в домофон. Я с трудом поднялась, чтобы спросить, кто там, но не удержалась и грохнулась на пол, только и успев нажать на кнопку, открывающую дверь подъезда.

– Чёрт, – выругалась я, поворачивая ключ в скважине. В который раз радуюсь тому, что на двери у нас приколочен номер квартиры, поэтому дверь на распашку держать не надо. Подняться я уже не в силах – устала. Пусть сами меня поднимают эти «ученики». Дверь открывается и слышится удивлённая ругань. Я, полулёжа-полусидя в какой-то странной позе полубоком, на одном бедре, поднимаю глаза и вижу... их.

– Ну ничего ж себе... Так, Рыжий, помоги с коляской, – уже знакомый мне парень опомнился первый. По стенке прополз вглубь коридора за мою спину, схватил под руки и поднял так, чтобы я «стояла», хотя такое положение правильнее назвать «висела». В это время Рыжий не без труда вернул в исходное положение мой железный трон, куда Спица со всей возможной аккуратностью меня усадил. Всё равно получилось немного неуклюже.

– Может, чаю? – спросила я, красная от смущения, и, не дожидаясь ответа, поехала на кухню, жестом зовя за собой.

Ребята уселись за столом, пока я наливала им чай. Они пытались помешать мне сделать это, но я доходчиво объяснила, что помощь мне абсолютно не нужна. Я привыкла. Да и в удобстве ведения хозяйства подсобил Дима со своим ящичком инструментов.

Первое время мы сидели в молчании. Слышалось лишь тихое дыхание, периодически прерываемое громким прихлёбыванием из кружки. Они смотрели в стол, в окно, друг на друга, но потом, видимо, оценив обстановку и собравшись с мыслями, решились посмотреть и на меня.

– Почему ты нам ничего не сказала? – первым нарушил тишину Рыжий. Из-за сестёр он был куда более открытым к разговорам по душам, что сильно выделяло его на фоне других мальчишек. Думаю, он был действительно поражён, увидев меня в коляске, – Ты всегда была такая

боевая, весёлая... Неужели ты боялась, что наше отношение к тебе изменится? – я лишь молча кивнула, уставившись в свою любимую кружку. Было стыдно, очень стыдно. Только сейчас до меня дошло, как глупо с моей стороны было врать, – Так это правда? Ася, ты правда думала, что нас это так напугает?

Повисло недолгое молчание. И было слышно только тяжелое дыхание одного человека. Спица сидел, закрыв лицо ладонями, пытаясь разложить всё по полочкам у себя в голове. Тишина стояла меньше минуты, но как это и бывает, казалось, что вечность. Он поднял голову и заговорил.

– Ну ты и дурочка конечно... Ты даже не представляешь, как мы за тебя волновались, а ты... И как давно? – Спица не отрываясь смотрел на меня. Пристально, внимательно... Под таким взглядом невозможно отнекиваться. Вот я и рассказала всё с самого начала, медленно переходя к нашей встрече, а потом и к своим мысли в тот момент... Выдала всё на одном выдохе. С такими, как я, в разведку нельзя.

– Жесть. Поздравляю с началом стоячей жизни! Блин, не то. Я не это хотел сказать... Извини нас. Повели себя как... Ну ты поняла. Тебе тоже не прикольно было, – Рыжий неловко пытался подобрать слова. Получалось это неловко, но именно эта неловкость и помогала разрядить обстановку. В какой-то момент я непроизвольно хихикнула, что вызвало улыбку у Спицы, всё также смотревшего мне в глаза.

Так мы и провели это время за разговорами по душам. А нам было о чём поговорить. Вскоре диалог отошёл от темы моих ног и нашей общей драмы. Поговорили о школе, о Колобке, который умудрился сломать ногу прямо перед первым сентября, о моей маме и дяде Диме. Возможно, теперь мне стоит называть Диму «папой»? Мы не заметили, как прошло несколько часов и пришло время прощаться.

– Ладно, до завтра. Конспекты на тумбочке, рядом с телеком, – произнёс Рыжий, хватая яблоко со стола, добавив напоследок: «Это награда за наши потраченные нервы».

– Завтра. Мы к тебе в гости забежим после школы. Ну, или в окошко постучим. Давай, до скорого, – Спица потрепал меня по голове и собирался выйти из квартиры, но я схватила его за руку, чуть повторно не слетев с коляски, – Эй, ты чего...

– Спица, как тебя зовут?! – это прозвучало куда громче, чем планировалось, так ещё и усилилось эхом, типичным для подъездов многоэтажек. Усмехнувшись, парень также громко на весь дом крикнул:

– Лёха!